

Алексей Черных

Божественная интермедия

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Черных А. Б.

Божественная интермедия / А. Б. Черных — «ЛитРес: Самиздат»,
2011

Почти сказочная история. Но поди разбери, где заканчивается быль и начинается сказка. Ведь и Гомер, как герои его бессмертных поэм, тоже может быть героем, но в других поэмах.

© Черных А. Б., 2011
© ЛитРес: Самиздат, 2011

Маме

*Заранее вычислив участь звезды,
Что с неба падёт послезавтра,
Я из дому вышел проверить цветы,
Нектар заготовить на завтрак.
С утра, завертевшись в пустой суете,
Я жёг свое тело прохладой
И думал о той несчастливой звезде,
Жалея, шептал ей: «Не падай...»*

Автор, «Восьмистрочия»

1

День легко сползал к закату;
Тучи мчались суетливо,
Озаряясь розоватым
Солнца отблеском игривым.
Я стоял, застыв нелепо,
Наслаждаясь сочным видом
Восхитительного неба,
Цвета яркою скуитой.

Если вырасту поэтом,
Стихотворные мотивы
Посвящать я буду этим
Предзакатным переливам.
Что ещё на целом свете
Может быть таким красивым?

2

По дороге, что, петляя,
К нам сбегала с горных гребней,
Семена и ковыляя,
Шёл старик, сухой и древний.
Борода его седая
Вилась в лёгких струях ветра.
За спиной – сума пустая,
На груди – в чехле из фетра –
Гусли старые виднелись.
Несмотря на то, что бедно
Был одет старик, смотрелись
Гусли ярко и приметно.

Я вбежал в деревню с криком:
«К нам идёт гуслияр бродячий!...» –
После скуки нашей дикой
Был старик для нас удачей.

Вмиг заполнились народом
Все окрестные проулки,
Позаброшены работа,

И занятия, и прогулки.
Мне не часто удавалось
Видеть, чтобы так в охотку
Столько б жителей сбежалось
На общественную сходку.
Ну а тут – без принужденья,
Без пинков и без приказов
Всё живое население
Собралось почти что сразу.

3

На площадке в центре самом
Нашей небольшой деревни
Сотни лет лежал упрямо
Камень несказанно древний.
Сколько раз его пытались
Хоть на локоть передвинуть,
Лишь напрасно напрягались
И свои ломали спины:
То ли камень этот корни
В глубь земли пустил глубоко,
То ли чары некий ёрник
Наложил шутливым оком.

И когда община дружно
Плюнула на бунт валунный,
Порешили: будет нужный
Как сиденье и трибуна.
Средоточием вселенной
Стал для нас упрямый камень,
Атрибутом непрямым
Сходок, проводимых нами.

Да к тому же оказалось,
Что на камне пресловутом
Только правдой получалось
Выражаться почему-то.
Если ж кто-то собирался
С камня высказаться ложно,
Неожиданно сбивался,
К правде тут же возвращался
И конфузился безбожно.

Камень этот оказался
Правдолюбцем невозможным.

4

Гусяра, хоть был он скромн,
Мы с почтеньем окружили
Да присесть на наш феномен
Деревенский пригласили.

Старец чинно и неспешно
На валун сухой уселся,
На колени гусли нежно
Опустил и огляделся.
Сняв чехол, провёл по струнам
Тонкой сморщенной рукою,
Тенором, нежданно юным,
Впился в душу, как иглою.

Шум толпы перекрывая,
Пел он поначалу громко.
Голос, плавно нарастая,
Страстно ширился и ёмко.
Площадь, что вовсю клубилась
Сонмом бряцаний и стуков,
Постепенно подчинилась
Магии волшебных звуков.

К нам старик, вполне возможно,
Прибыл из безвестной дали,
Но язык его несложный
Мы легко воспринимали.
Не совсем, конечно, были
Ясны некие понятия,
Что так нашему претили
Жизненному восприятию.
Но о них, понятиях этих,
Мы могли судить по смыслу
Звонких песенных куплетов,
То мажорно разогретых,
То совсем минорно кислых,
То трагичных, словно соло
Обжигающей метели,
То вдруг нежных, словно голос
Матери у колыбели.

Пел, играл старик чудесно,
Сразу было видно – мастер,
Музыкой своей прелестной
Пробуждал благие страсти.
Мир, обыденный и сонный,
Надоедливый и бранный,
Отступал беспрекословно
Перед песней постепенно.
Так приятно было слушать,
Так волшебно было слышать,
Песня радовала душу,
Песня делала нас выше.

Всё – до мелких эпизодов –
Словно писано с натуры:
Эпос множества народов,
Связанных одной культурой.

Вязь ажурная сюжета,
Все эпитеты-сравненья,
Обороты-словоцветы
Поэтического пенья –
Были склеены искусно,
Органично, ясно, точно,
Завораживали вкусным
Словом, трепетным и сочным.

5

Сам сюжет таков был: как-то
Некий царь решил жениться
На богине – этим актом
С олимпийцами сродниться.

Свадьба, как и ожидалось, –
А позвали очень многих, –
На весь мир предполагалась,
Были люди, были боги.
Представителей известных
Стран и близких и далёких
Царь-жених, его невеста
Пригласили точно к сроку.

Но по глупости богиню,
Что заведует раздором,
Не позвали по причине
Опасенья лишних споров.
Так она им отомстила
За такое невниманье –
Злой интригою сгубила
Беззаботное гулянье.
То, чего и опасались
Да по-всякому старались
Избежать, таки случилось.
Месть богов – не божья милость...

Чем же удалось богине
Закрутить на свадьбе ссору?
Яблоком. Его отныне
Знают яблоком раздора.

В зал со свадебным гуляньем
Вместе с этим плодом сладким
Передали указанье

С текстом и простым и кратким:

«Красивейшей!» И хватило
Одного всего лишь слова,
Чтобы спор огромной силы
Развернулся бестолково.

б

Разумеется, любая
Женщина легко покажет,
Что от края и до края
Нет её на свете краше.
И мужчины (чтоб в дальнейшем
Не грузить себя заботой
И истерикой глупейшей)
Вторят женщинам с охотой.

А богини уж, – вестимо,
Как напел гуслир бродячий, –
Видели неотразимость
В красоте своей тем паче.

Так что каждая особа
Пола женского желала,
Чтоб её зачли к особым
Звёздам свадебного бала.
И когда повис сомненьем
Вдруг вопрос о красивейшей,
Зло осыпать оскорбленьем
Из всех зол осталось меньшим.

Вмиг с соседкою соседка
Закрутили ссору лихо.
Что блондинка, что брюнетка, –
Полная неразбериха.

Кто из них, девиц, красивей?
Та, кто прочих кучерявей?
Та, чья кожа на отливе
Побелее-посмуглявей?
Та, чей голос уподоблен
Нежному журчанью речки?
Та, чей стан легко способен
Враз лишить мужчину речи?

Или Та, Кто на Олимпе
Всех виднее по рождению
И на Чьём лучистом нимбе
Теплится венец творенья?

Спорят, брызгают слюною,

Никого никто не слышит,
Трусят формою литою,
Нервно бюстами колышут.

7

Драка явно назревала –
Вот какая вышла свадьба!

Встал жених да вышел с залы
Он во двор своей усадьбы.
Выдохнул остатки хмеля
С тяжким и печальным охом
И подумал: «От борделя
Этого мне будет плохо.

Если сам рядить я буду,
Кто из них, крикливых, краше,
Да по глупости забуду
На пиру на горьком нашем,
Титул самой распрекрасной
Дать божественной супруге,
Можно брак считать напрасной
И ненужною потугой.
Уж тогда вовек не знать мне
Ни родства с Олимпом славным,
Ни престижа среди знати,
Коль не стану богоравным...»

Вдруг возник пред ним парнишка,
Молодой и сухощавый,
Сын какого-то вождишки
Из занюханной державы.
По нужде, видать, он малой
Выбегал. Всё как обычно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.